

СТИХИ череповчанки ЛЮДМИЛЫ ШАБАНОВОЙ без большого против правды греха можно упрекнуть в камерности, если не знать, что писались они тяжело больным человеком, которого сегодня уже нет в живых.

Да, ее нет, но слова на листах бумаги еще живут и дышат.

...Захвачена опасною игрою.

Я каждый день чего-то жду и жду.

Что весело наполнит день собою...

Огорчаться и отчаяваться, верить и надеяться, разочаровываться и вновь утверждаться — без этого нет жизни. Эта разноцветная радуга человеческих переживаний явственно отразилась в стихотворениях Шабановой — ее последнем привете нам, живущим.

ОЛЬГА ФОКИНА.

КНИЖКА В ГАЗЕТЕ

ЗАБЫЛИ все, и даже сны забыли,
Как прежде появляться
по ночам,
Как будто бы их взяли и убили
Безжалостные руки палача.
И ничего: ни памяти, ни снов,—
Сплошное безвоздушное
пространство,
Среди своих запущенных садов

Жду короля, а может самозванца.
Захвачена опасною игрою,
Я каждый день чего-то жду и жду,
Что весело наполнит день собою,
А может, снова принесет беду.
Но видимо, покуда буду жить,
Мне не уйти от тягот ожиданья,
Мне горевать, мне ждать и мне
любить,
Мне сомневаться и искать признанье.

КОГДА гуляют сны
по дому,
Вспоминанья
вороча,
Вдруг хорошо
и незнакомо
Приоткрывается
душа.
И тишина случайных
комнат,
Не зная даже,
почему,
Вдруг что-то давнее
напомнит,
Родному сердцу
моему.
О, как доверчивость
чужая
Ночной порой
освещена,
Незащищенная, нагая,
Она до боли мне
нужна.
Она, как голод
откровеня,
Нежданная и
без затей
Неповторимое
мгновенье
Объединения людей.
Когда являются
воочью
К нам наши беды
и грехи,
Когда дождливой
хмурой ночью
Приходят к людям
в дом стихи.

РАСПИШУСЬ своей
кровью,
сердцем,
И уверую, что отныне
Не заглушит рожденную
песню
Моя сумрачная
гордыня.
Пусть простые дела
и радость
Потрясут, открываясь
вновь,
Пусть единственным
богом станет
Для меня на земле
Любовь!

ВСЕ перемою,
все перетру
И пепел последний
выброшу.
И встану, спокойная,
поутру,
Забывшая все,
что выношено.
И больше не вздрогну
уже от звонка,
От голоса не проснусь,
Как будто из самого
далека
Тихонько к себе
вернусь.
И дни привычные
побегут,
Отчаяньем зазвеня,
И люди близкие вдруг
поймут,
Что нет на земле меня.

КАК нереален этот
снег,
Его волшебный танец,
И детский безмятежный
смех,

И за спину ранец.
И шум машин, и голоса,
И о насущном речи.
И эти странные глаза,
Летящие навстречу.
И музыка во мне
дрожит,
Как кровь на свежей
ране,
Как ветка клейкая
зимой
В окне в консервной
банке.
И безрассудно хороши
Сейчас мои друзья.
Смеются звонко,
от души
Моих соседей малыши.
...И тихо плачу я.

ОСЫПАЮт ветки звонкие
листочки,
Подари мне, верба, маленькую
дочку.
Принеси мне завтра
Прямо спозаранку
К моему порогу маленькую Янку.

КОГДА меня оставит суета
И мелочность пустого
суетловья,
Бойдет в мой дом тихонько
красота,
Зовущаяся коротко любовью.
Ее приход я вновь благословлю,
Как самое невиданное чудо.
Любимый столик белым застелю,
И выставлю, как к празднику, посуду.
Открою двери, растворю окно
И там поставлю веточку сирени
И отрешенно, свято и земно.
Я опущусь пред нею на колени.
Тобой живут все люди на земле,
Растут цветы и доброта восходит
Блажен тот миг, когда к тебе,
ко мне
Редчайшей гостьей в дом любовь
приходит.

* * *

ПОЙДУ на улицу и посмотрю
дома —

Заснеженные, серые, большие,
В которых не была еще сама,
Но здесь живут, иль будут,
или жили.

И кто-то счастлив
Или не совсем
Вот в этом доме и в окне
Вот в этом.
И женщина, взбивающая крем,
Озарена прекрасным ровным
светом.

Здесь будет праздник
Ну, конечно, да!..
Вот музыка из чьих-то окон льется
И старика седая борода
Сейчас к стеклу холодному
прижмется.

И я успокоенъя нахожу
От этой мысли, что возможен
праздник,
Пускай не мой, а этих вот домов,
больших, заснеженных, обжитых, —
Разных.